

Я не собираюсь писать историю. Для этого нужно время и материалы, какие можно кое-где разыскать по архивам, нужен целый ряд условий объективного и субъективного характера. Просто постараюсь вызвать в памяти и передать, не мудрствуя лукаво, какой-нибудь эпизод из столь недавнего (если считать по календарным годам) и столь далекого (по богатству пережитого) прошлого.

ПАРТИЗАНЩИНА

Весна 1919 года. Петлюра разгромлен усилиями организованного пролетариата и примкнувшего к революции крестьянства. Нам чрезвычайно легко далась эта победа. Мы начали наступление в конце 1918 года двумя повстанческими дивизиями, первая на Киевском, вторая на Харьковском участке. Докатились с невероятной быстротой до Черного моря на юге и Галиции — на западе, впитывая по пути десятки тысяч партизан — повстанцев.

Я помню работу наших штабов периода наступления. Что где делается — не разберешь. От частей по неделям нет сведений. Известно, что идут к югу или юго-западу. Рассчитываешь, к примеру, что, двигаясь со скоростью 40 верст в сутки (это факт — части летели как на крыльях, передвигаясь преимущественно на тачанках и подводах), такой-то полк должен быть в Кременчуге. Вдруг телеграмма из Елисаветграда за подписью «атаман Григорьев». Содержание: «Поймал кота, жму к Знаменке, жду ваших распоряжений, куда идти дальше».

Атаман Григорьев как будто в списках наших командиров не числится, а как раз наоборот командует одной из петлюровских частей. Почему он адресует телеграмму командующему Украинской армией тов. Антонову и о каком коте идет речь — непонятно.

Через день — новая телеграмма оттуда же «Котик кусается»... Еще несколько часов — телеграмма из Знаменки: «Отрубил коту хвост, решил идти к грекам в Николаев».

Только после прибытия действительно нашего полка в Знаменку вся эта кабалистика расшифровывается. Оказывается, атаман Григорьев перешел на нашу сторону и ударил в тыл другому петлюровскому атаману — Котику (это фамилия такая), оставшемуся верным Петлюре. В первом

столкновении потерпел неудачу (Котик кусается), но затем одолел и захватил обозы (отрубил хвост), после чего действительно ударил на Николаев и с горсточкой таких же, как сам, отчаянных партизан, разбил греков, высадивших там свой десант, численностью, раз в сто по меньшей мере больше всего григорьевского воинства.

Мы были вынесены стихией, притом стихией крестьянской, весьма сочувствовавшей большевизму, но весьма подозрительно, чтобы не сказать больше, относившейся к коммунизму.

Крестьянин-партизан с энтузиазмом воспринимал наши боевые лозунги периода разрушения старого строя, видел в нас желанных союзников в его борьбе с помещиком. Но, одолев последнего, желал он одного — чтоб все чуждое ему, наносное (городское) оставило его в покое, ибо он желал быть хозяином на своей земле, которую он исключительно, как ему казалось, собственными усилиями, отвоевал у своего врага.

До мировой революции, до исторической миссии пролетариата, до всей сложности классовой борьбы в городе и деревне, вооруженному, сознавшему свою силу, но столь же темному, как и до переворота, крестьянину-собственнику не было дела. Он видел одно. Большевики говорят: «Бей помещика, бери его землю, вооружайся»... Коммунисты поют: «Давай для государства хлеб, подчиняйся дисциплине» (несколько позже: «Сдавай оружие»). Диалектика менее всего соответствует мужицкому способу мышления, и не мудрено, что разворошенная сплошь, вооруженная и организованная на свой манер (отряды) стихия обернулась против нас с такой же почти силой, как только что поднималась против гетмана или неудачника Петлюры.

Крестьянская масса в то время еще не успела расслоиться, бедняк (даже батрак) еще целиком находился в плену старых собственнических, типично мужицких настроений и сплошь да рядом выступал против коммунистов.

Многие детали этого взрыва крестьянской массы против коммунистов требуют подробного исследования и освещения, как например: движение атамана Зеленого на юге Киевщины, движение, в котором принимали участие преимущественно беднейшие элементы села...

Как бы там ни было, весной 1919 года вся Украина клочкотала и бурлила. То там, то сям вспыхивали крестьянские восстания, каждое село имело свой отряд, оборонявший стратегические подступы к своей деревенской республике, а подчас выступавший в поход против соседнего городка или местечка.

Нередко можно было найти вполне организованные волости (например, Большая и Малая Половецкая, Киевской губ.), выставявшие в случае нужды целые полки с пулеметами и даже артиллерией.

По железным дорогам движение поддерживалось преимущественно бронепоездами. Атаманы, только что перешедшие на сторону Советской власти, как Григорьев и десятки ему подобных, или даже старые советские вожаки, выступавшие под большевистским флагом при гетмане (Коцур, Гребенка и т. п.) один за другим поднимали бунт против Советской власти или, вернее, против коммунистов (понятно, не обходилось дело и без «жидов», которых резали по всякому случаю).

Атаманы восставали то потому, что их стесняла всякая дисциплина, а им хотелось бесшабашной вольницы, то потому, что они были сознательными нашими врагами, часто действовавшими по указке петлюровского подполья. Иногда атаманы, долго и честно работавшие с Советской властью, шли, поддаваясь стихии, шли нехотя и нерешительно, с оглядкой.

Во всем была презанятная смесь революционности, авантюризма, беспросветной темноты, самого дикого мракобесия, беззаветной отваги и трусливой жадности... Все стороны крестьянской души, веками забитой, темной, неожиданно проснувшейся, вечно колеблющейся, и революционной и реакционной в одно и то же время, страшной в своей жестокости и, в конце концов, детски наивной и детски беспомощной — отразились в судорожных корчах мужицкой Украины.

Наше положение было довольно сложное. Выручала лишь организованность партии, выручал инстинкт пролетария, который хоть подчас и «вопынил» из-за недостачи питания и из-за прочих жизненных тягот, но в конечном счете все же предпочитал Советскую власть возвращению гетмана. Выручала неорганизованность крестьянской массы да отчасти тот авторитет, который мы, как большевики, все же имели в ее глазах.

По существу, любой наш полк в то время мог поднять против нас восстание и подчас не всегда было понятно, почему та или иная часть борется на нашей стороне, а не против нас? Так, например, Махно оказал безусловно нам поддержку в борьбе против Григорьева (нет ничего невероятного, что Григорьев поддержал бы нас против Махно, если бы тот выступил раньше).

Тот же Григорьев, уже замыслив восстание, уже фактически начав его переброской своих полков в сторону Кремен-

чуга, принимал командующего украинскими армиями тов. Антонова и дал ему спокойно уехать, не рискнувши или не догадавшись захватить в плен или пристрелить его. Ясное сознание, что и во имя чего надо делать, решительность — были целиком на нашей стороне, и только потому мы победили. Победили не только силой оружия, но и морально, заставив признать наше превосходство и необходимость нашего руководства; более того, мы нашли внутри самого крестьянства силы, на которые смогла опереться пролетарская революция (комнезамы).

...Тов. Антонов вернулся от Григорьева и делает доклад в Совнарком. По его мнению, опасения, что Григорьев восстанет, преувеличены. Приходит телеграмма Григорьева, как будто подтверждающая оптимизм главкома.

Однако следующая весть — бои под Кременчугом.

У Григорьева тысяч шестнадцать организованной армии*. Какую позицию займет Махно, никто не может сказать. Какую воинскую часть (все такие же, партизанские, и у всех почти командир полка — по существу батько) можно двинуть без риска, что она перейдет на сторону повстанцев?

Часа в четыре ночи меня будят... Собираемся... Бубнов, Косиор, кажется Ворошилов, не помню кто еще из наркомов, сообщают, что один из полков, снятый с петлюровско-польского фронта (номера не помню сейчас, восьмой, кажется), направленный против Григорьева, по дороге уже разгромил ЧК в Бердичеве, Казатине и Фастове, и в данный момент в Фастове же обсуждает вопрос, двинуться ли ему дальше на юг, через Белую Церковь, Бобринскую на Григорьева или завернуть раньше в Киев и разделаться там с «Чекой» и «коммунией».

В Киеве ничего надежного нет, что можно было бы двинуть против этого полка. Остается использовать доводы разума и силу красноречия. Предлагают мне ехать в Фастов, по крайней мере, задержать полк разговорами, пока здесь хоть что-нибудь сорганизуют для встречи, если не удастся уговорить полк идти по прямому назначению. Еще в темноте отправляюсь на вокзал. Сажусь в вагон. Мощный паровоз тащит за собой мою служебную трехоску, которая болтается, как собачий хвост, и грозит слететь с рельсов на поворотах. Самочувствие довольно-таки скверное. К рассвету въезжаю

* Численность войск, которыми располагал Григорьев, здесь несколько преувеличена. Из 13 тыс. человек, имевшихся у него, одна бригада осталась верной Советской власти. Много бойцов и командиров бежали от него и из других бригад. (См. В. А. Антонов-Овсеенко «Записки о гражданской войне», т. 4, М., Воениздат, 1933, стр. 131, 261).— *Ред.*

на ст. Фастов. Я да проводник вагона, который ничего не знает.

Несмотря на ранний час, станция кишмя кишит солдатами в самых разнообразных одеяниях — вплоть до котелка на голове у какого-нибудь босого парня с обрезанной для легкости винтовкой. Мой поезд уже заметили и обратили внимание. Бросаются к вагону. Слышны возгласы: «Комиссар приехал». Тон, нельзя сказать, чтобы очень радушный. Энтузиазма по случаю приезда члена правительства не видно. У большинства винтовки в руках.

Выхожу... Вдруг какой-то молодой парень в старой немецкой фуражке с радостной физиономией бросается ко мне и обеими руками хватает меня за руку: «А, товарищ Затонский... а помните, как мы с вами в Глухове встречались?»

Я, понятно, не помню, но от этого не менее рад его встретить здесь, в Фастове. Он сейчас же представляет меня солдатской массе, сообщает, что я тот самый Затонский, который помогал партизанам в нейтральной зоне. Лед сломан. Я уже не комиссар, а свой человек.

Вызываю командира полка и предлагаю немедленно собрать ребят в каком-нибудь помещении (под открытым небом мешал моросивший дождик), чтобы можно было потолковать. Через десять минут уже начинается митинг в каком-то летнем театре, здесь же у станции. ЧК действительно разгромлена. Недалеко от вокзала валяется труп одного из расстрелянных. Настроение полка вполне определенное (определенное именно в своей расплывчатости, путанице понятий в этих крестьянских головах). Они, понятно, за Советскую власть, все большевики, немного коммуны боятся, но в общем не особенно активно против нее настроены. В полку есть и коммунисты, такие же партизаны, как и все остальные. К ним отношение великолепное — они свои. Командир полка, вместе с тем атаман, организовавший его, но, как это ни странно (на деле это часто встречалось), не он полком командует, а полк им. Вернее, он, командир, целиком во власти той стихии, какая его окружает и от которой он еще не отпочковался. Он по уровню своего развития недостаточно выделяется из общей массы, и настроения окружающего крестьянства имеют слишком большое влияние на него. Он отнюдь не контрреволюционер и даже старался удерживать полк от эксцессов, принимал меры, чтобы полк отправился против Григорьева. Это он, комполка, донес в Киев, что его полк не благополучен. Но если бы полк пошел на Киев, он бы отправился с ним (как тот цыган, что, по народному сказанию, за компанию повесился).

Митинговал больше часу. Привел всевозможные, кажется, доводы за Советскую власть и против бандита Григорьева. В общем соглашались, но чувствовалось что-то недоговоренное. Удалось вызвать на разговор. Засыпали вопросами — все больше насчет коммуны. Правда ли, что будут сгонять со своих хозяйств, забирать все в общий котел? Правда ли, что собираются забирать весь собранный крестьянином хлеб?

От моих разъяснений повеселели...

Удалось под конец раскачать публику, посыпались шутки, пошли вопросы даже насчет того, как в других странах. С большим самоудовлетворением послушали, что они первые во всем мире выгнали своих панов, что на них смотрят с упованием рабочие всего света, что их боится мировой капитал. Под конец с большим подъемом спели Интернационал (не обошлось и без «Заповита», конечно) и дали торжественную клятву идти на Григорьева и даже не трогать ЧК по дороге.

И обещание сдержали.

На обратном пути спал до самого Киева как убитый. В Киеве до моего возвращения не спали.

Это вовсе не какой-нибудь исключительный случай. Подобных историй было десятки. В самом Киеве происходили восстания полков — такие же бестолковые. Я взял фастовский случай только потому, что в его ликвидации пришлось мне лично принять исключительное участие.

С Григорьевым кое-как справились, но положение было грозное. Нужно было принять решительные меры против той партизанщины, которая разъедала Красную Армию. Верховному командованию РСФСР казалось, что здесь, на Украине, недостаточно обращают на это внимание и ведут недостаточно твердую линию. Товарищ Антонов был отозван, украинские армии (всего их было 3) расформированы; из них создали на Правобережьи — 12-ю и на Левобережьи — 14-ю, еще ближе к Дону из бывшей Кожевниковской группы — 13-ю армию. Командующим 12 армией, штаб которой находился в Киеве, был назначен генштаба Семенов, как потом выяснилось, получивший не только определенную директиву насчет большого нажима в смысле превращения армии в регулярную, но и инструкции относительно взаимоотношений с украинским центром, в смысле большей независимости от последнего. Но очень скоро выяснилось, что дело не в каком-нибудь уклоне со стороны нашего центра, а в объективной обстановке. Не вина наша в том, а беда. Командарм Семенов с членом Реввоенсовета тов. Араловым потребовали установления более тесной связи с нами (ЦК КПУ и Совнаркомом Украины). Было признано необходимым, чтобы кто-

нибудь из Совнаркома вошел в Реввоенсовет. Я получил назначение в 12-ю армию. Одновременно тов. Бубнов был направлен в 14-ю, а Пятаков — в 13-ю.

АТАМАН ГРЕБЕНКА

И было отчего командарму Семенову требовать с нашей стороны поддержки. Дня через три после объявления по армии о моем вступлении в число членов Реввоенсовета меня срочно вызывают в штаб (я одновременно был тогда еще и наркомпросом). Оказывается, командир кавалерийского полка Гребенка не желает говорить по поводу ни с кем, кроме Затонского. Гребенка — не просто комполка. Это тот самый Гребенка, который в 1918 году при гетманщине организовал в Тараще грандиозное восстание, охватившее несколько уездов. Немцы вынуждены были бросить против него три дивизии и лишь после полуторамесячной борьбы заставили его покинуть таращанские дебри. И вот с отрядами своими, с конницей, пехотой, пулеметами и даже артиллерией, Гребенка совершает знаменитый рейд из Киевской губернии через Днепр, всю Полтавщину, часть Черниговщины и приходит в Курскую губернию. Сам Гребенка, правда, до границы РСФСР не дошел. Он с небольшой группой отделился на Полтавщине и остался продолжать мелкую партизанскую работу на Украине. Главные же силы прибыли в Курск под командой его помощника Баляса. Этот отряд лег в основу знаменитого в истории Советской Украины Таращанского полка 1-й Украинской, впоследствии 44-й Киевской дивизии.

Так вот этот самый Гребенка, когда мы навалились в 1919 году на Украину, успел организовать конный полк, который в описываемый момент находился на западном участке. Вел себя полк несколько странно, от боев с поляками почему-то уклонялся и имел тяготение продвинуться в свою Киевщину, вернее, в Таращу, так как главный контингент полка были опять-таки таращанские повстанцы.

Командир полка — старый известный партизан, сам полк свой организовавший и сам его содержавший, так как, понятно, все решительно, вплоть до вооружения не доставалось в порядке армейского снабжения. Он добился всего исключительно собственными силами. Такой командир полка, естественно, не имел особенного стимула подчиняться высшему начальству и вел себя довольно независимо. При всем желании ввести регулярные порядки, командарм не имел ни-

каких реальных сил заставить какого-нибудь Гребенку подчиниться себе и приходилось опять-таки прибегать пока что больше к методу увещания до той поры, пока обстоятельства не позволили взять всех Гребенок за шиворот и поставить их на надлежащее место.

Так вот подхожу к аппарату: «Я — Затонский». В ответ: «А чи правда, что вы Затонский?» Отвечаю: «Правда». «Я — Гребенка, чтобы удостовериться, прошу ответить, как я был одет, когда мы с вами встречались в последний раз в Глухове?».

Отвечаю: «В синей бекеше».

«Теперь я верю, что вы Затонский. Я получил приказ за подписью какого-то генштаба Семенова с предписанием отправиться в район Полтавщины на деникинский фронт, чи виконувати цей приказ чи ни».

Я, понятно, отвечаю, что приказ правильный и т. п. и что впредь всегда нужно выполнять приказы тов. Семенова, который является командующим армией. Гребенка соглашается, но с оговоркой, что под приказом должна быть и моя подпись.

Маленькая подробность: командарм Семенов стоит тут же у аппарата, слушает непонятную украинскую речь (весь разговор шел по-украински, я только привел его в переводе). Когда дело дошло до «виконувати» (выполнять), тов. Семенов решил, что это имеет отношение к коннице и спрашивает: «Что это у него с конским составом происходит?»

История с Гребенкой на этом не окончилась. Несмотря на обещания, он приказ выполнил не до конца. Взял направление на Полтавщину, но, дойдя до Таращи, там застрял, и мы, случайно тоже (между прочим, характеристика связи), от Белоцерковского исполкома узнали, что гребенковцы уже четыре дня сидят в Тараще и ведут себя более, чем подозрительно.

Было решено, что я лично поеду к ним, произведу смотр частей и окажу воздействие в смысле направления полка против белых.

14-го июля 1919 года около 5 часов я приехал на автомобиле в Таращу. Подъезжаю к штабу. Какая-то странная картина: на захолустной, обычно пустынной улице маленького городишка огромное оживление. Толпа крестьян стремится проникнуть в штаб. Я минут пять не мог протиснуться внутрь. Все галдели и толковали о каких-то «квитках». К моему изумлению я узнал, что квитки — это ордера на получение спирта из местного винного склада и что в штабе происходит выдача этих ордеров окрестному населению.

Гребенка, видимо, был смущен моим появлением, и на мой вопрос, что это значит, он объяснил, что средств он откуда не получает (это было верно) и, отправляясь в далекий поход, он рассчитывал в Тараще подкрепиться, перековать лошадей, добыть нужное обмундирование, снаряжение, отчасти фураж и единственным средством, по его мнению, было купить все необходимое у крестьян в обмен на спирт. Это было не совсем так. Спирт, по-видимому, давался не только при товарообмене, а по более сложной системе. Совершенно ясно было, что в обмен на спирт Гребенка старается приобрести, главным образом, популярность среди таращанских «дядьков».

Я приказал немедленно приостановить выдачу спирта, что было исполнено. Как раз в этот момент кто-то сообщил, что в местечке начался погром. Я приказал Гребенке ехать вместе со мной на место. Мы сели в мой автомобиль и поехали в центр города. Настоящего погрома еще не было, но несколько лавочек с мелкой галантереей было разбито, и толпа жадно разбирала валявшиеся в пыли пуговицы, катушки ниток и прочую дребедень. Кругом было много гребенковцев, не принимавших активного участия в грабеже, но смотревших на сие весьма благосклонно.

Достаточно было Гребенке вытянуть кого-то хлыстом по спине и цыкнуть, как все шарахнулись от нас, brave кавалеристы немедленно подтянулись, и погром был прекращен в четверть секунды. Оттуда поехали на винный склад: его только что по приказу Гребенки закрыли, и громадная толпа, особенно счастливицы, имевшие квитки в руках, старались продавить массивные дубовые ворота, искренне негодуя на внезапную и непонятную отмену выдачи драгоценного спирта. Особенно памятна мне одна древняя старушонка, которая бросилась к Гребенке и стала убеждать его, что уж кому-кому, а ей он должен выдать обещанную четверть, она ж его вынянчила, она его еще вот каким помнит (жест, показывающий, что Гребенка был ростом не выше аршина).

Но достаточно было Гребенке твердо и властно заявить, что выдача прекращена и что он не допустит разгрома склада, как толпа успокоилась и, хотя с ворчанием, но мирно стала расходиться. Видно было, что Гребенке верят и что он здесь действительно хозяин.

Любопытнее всего то, что он вовсе не имел характерной для большинства партизанских атаманов силы характера. Это — вовсе не железный характер, каким можно было бы его вообразить, а, наоборот, весьма неказистый по внешнему виду и нерешительный по внутреннему содержанию человек.

Я никак, ни тогда, ни после, не мог понять тайны его действительно огромного влияния и популярности. Возможно, что нерешительность его в те минуты, когда мне приходилось с ним встречаться, объяснялась невыдержанностью его политической линии, неясностью желаний, обычной и понятной неопределенностью крестьянских настроений. Возможно, что в борьбе с определенными безусловными врагами крестьянства, какими являлись на Украине немцы и гетман, он становился иным. Но когда ему приходилось вести игру против Советской власти, он, по существу, был беспомощен и жалок, и чувствовалось, что опять-таки не столько он руководит стихией, сколько эта последняя им. Может быть, потому именно он и выдвинулся, что был великолепным выразителем всех противоречий крестьянской души.

Вернувшись в штаб, я разнес Гребенку за его спиртную политику и потребовал немедленного вывода частей из Таращи. Гребенка извинялся и обещал все выполнить.

Было условлено, что на следующий день, часов в десять, бригада соберется на площади за городом, будет устроен парад, затем я ее поздравлю с походом против Деникина, и Гребенка, не давая возможности никому рта открыть, тут же объявит приказ о выступлении с таким расчетом, чтобы к вечеру уже выйти из города. Между прочим, забыл упомянуть, что мы считали отряд Гребенки полком, а оказалось, что он уже успел развернуться в бригаду и Гребенка просил санкционировать совершившийся факт.

Вечером Гребенка куда-то исчез из штаба. Со мной оставался Баляс — его помощник — и еще один из штабных работников, кажется, в чине помощника начальника штаба (между прочим, тот самый, который писал «квитки» на спирт; забыл, как его фамилия). Вот он-то, когда Баляс куда-то вышел, успел мне передать, что дело в общем неладно, что полк настроен против существующей Советской власти (против «коммунии»), что Гребенка еще колеблется, но что «все может случиться». При Гребенке и комиссар был, как полагается, коммунист, и больше того — рабочий откуда-то из Иваново-Вознесенска, кажется, по фамилии Иванов — человек чрезвычайно бесхарактерный, неэнергичный. Он был влюблен в Гребенку, ничего не понимал, что творилось вокруг него, но верил Гребенке настолько, что в случае восстания остался бы с ним.

Выехал я в Таращу не один, со мной был тов. Кокошко и еще один паренек — Зеленский. Тов. Кокошко я взял для подкрепления партийных сил Таращи, а Зеленского в качестве политработника, предполагая его оставить в полку. Я даже распорядился, чтобы ему был выдан соответствующий

мандат. Поздно вечером пришел ко мне в штаб Кокошко и сообщил, что ему удалось разыскать секретаря укома, который передал, что, по его сведениям, все данные за то, что Гребенка выступит против Советской власти.

Наутро, как было условлено, поехал на смотр: Гребенка показал товар лицом.

Полторы тысячи великолепно вооруженных, отлично одетых, хотя не по форме, кавалеристов, около 100 пулеметов на тачанках, лошади — звери, 16 орудий тоже с великолепной упряжкой.

Встретили меня честь честью. Когда полагается, «ура» кричали, затем продефилировали перед нами конница на галопе, артиллерия вскачь, — любо смотреть: затем все построились в каре, и я, взобравшись на какой-то плетень, обратился к ним с речью. Говорить дали, но чувствовалась скрытая враждебность. По окончании речи даже «ура» кричали. Все же я ожидал, что Гребенка выполнит свое обещание и даст условленный приказ. Вместо этого он предоставляет слово какому-то типу весьма подозрительной наружности (позже выяснилось, что говоривший был деникинский офицер, служивший в полку в качестве рядового). Он начинает речь с того, что-де только что вернулся из отпуска из Черниговщины, куда он ездил будто бы проведать родных, и дома застал такую картину: отец арестован, сидит в ЧК, сестру увели, куда — неизвестно, было два брата, один расстрелян, другой в лесу скрывается, дома все разгромили, последнюю корову увели, одна старая мать на развалинах осталась, почти ослепла от горя, и все это, понятно, «жиды-коммунисты» сделали за то, что его семья не хотела в коммунисты идти. Выводов он не делал, но этого и не требовалось. Возгласы, раздававшиеся со всех сторон, свидетельствовали о том, что ребята не прочь немедленно же расправиться с этой «жидовской коммуной». Выступило еще три или четыре оратора с речами все в том же стиле. Последний требовал прямо объявить поход на Киев, разделаться с правительством и только уже после этого поставить вопрос о деникинском фронте.

Гребенка слушал, кусая губы, бледный, стараясь не смотреть в мою сторону. Я подошел к нему и спросил, что это значит. Он и тут ответил, что просто вышла ошибка и что он не думал, что будут так резко выступать. «Вот видите, какое настроение ребят, как нужно изменить все порядки, которые установлены вами, коммунистами».

Я потребовал, чтобы он немедленно прекратил безобразные выступления и объявил условленный приказ. Гребенка

действительно выступил вперед и объявил поход... на Киев. Партизаны встретили это известие с энтузиазмом.

Была довольно жуткая минута. Я ждал, что нас с тов. Кокошко — тот тоже зачем-то пришел на смотр и стоял возле меня — тут же разорвут. Но этого почему-то не случилось. Сейчас же был дан приказ строиться. Бригада в полном порядке, как полагается, снова развернулась и двинулась шагом в город. На нас просто не обращали внимания. Я поручил тов. Кокошко немедленно идти к партийным товарищам и принять меры, чтобы как-нибудь известить Белую Церковь, откуда уже можно передать в Киев о случившемся. Сам же решил ехать в штаб. Скрыться мне было все равно невозможно: слишком меня знали и общее настроение кругом было вполне определенное. Кроме того, приходилось соблюдать приличие: не гоже было члену Реввоенсовета перед этими головорезами — партизанами обнаружить признаки страха. По дороге в штаб никто не остановил моего автомобиля. Вскоре верхом приехал Гребенка. Я заявил ему, что он играет весьма опасную игру, которая может кончиться плохо прежде всего для него самого, упомянул, что у Григорьева было свыше 16 тысяч бойцов и, однако, мы с ним справились.

Гребенка уклонялся от разговоров на эту тему и вместо этого предложил идти обедать. Делать было нечего — пошли обедать. Я только успел еще сказать приехавшему со мной Зеленскому, чтобы он немедленно, каким угодно путем, хотя бы пешком, постарался добраться до Белой Церкви и передал с ним несколько слов товарищам в Киев.

За обедом собралось большое общество — весь командный состав, представители местного общества: бывший судебный следователь, в квартире которого помещался штаб, бывший мировой судья, отец протоиерей. Между прочим, помню, хозяин квартиры подсчитывал, сколько раз Тараща переходила из рук в руки и, по его подсчету, выходило, что до этого дня, до 15 июля 1919 года, в Тараще власть сменялась 27 раз. Кто-то вспомнил, что в этот день мои именины (Владимира). Должен сказать, что в отношении ко мне не было ничего искусственного и натянутого, как-то все было типично по-обывательски мирно, добродушно и весело. Очевидно, ориентировались на Гребенку, который вел себя по отношению ко мне, как радушный хозяин, встречающий почетного гостя.

Помню, мороженое несколько запоздало, обедающие разошлись, и сладкое подавали нам кому куда. Я устроился в саду, куда мне принес порцию тов. Баляс, заявивший, что он сделает все возможное для ликвидации неприятного проис-

шествия, и думает, что ему еще удастся спасти положение.

Вскоре подошел и Гребенка. Он тоже заявил мне: «Не думайте, что я контрреволюционер, но вы видите настроение хлопцев. Я постараюсь избежать лишних жертв». Что он подразумевал под этим, не знаю. Я еще предупредил его насчет того, что он рискует головой, и заявил, что мне здесь больше нечего оставаться и я намерен немедленно уехать обратно. Спрашиваю его, накормлены ли шоферы, а у самого-то мысль, что вряд ли меня отсюда выпустят.

Гребенка вдруг заявляет, что не советовал бы мне уезжать (ну, думаю, начинается). Однако, тон у Гребенки какой-то подкупающий, искренний. Он говорит: «Скажу прямо: на вас готовится засада. Если вы поедете, вас по дороге перехватят и убьют, а я бы не хотел, чтобы это произошло. Вы меня, правда, считаете контрреволюционером и изменником, но я вас глубоко уважаю как человека, с которым встречался в прежнее время в общей борьбе с гетманом, кроме того — вы мой гость, вы после всего происшедшего вернулись ко мне в штаб, и я считаю долгом чести вас безопасно доставить в Киев. Я предлагаю вам сейчас отправиться на лошадях окольными путями в сопровождении трех верных хлопцев».

Видно было, что он говорит искренно, но я все же не особенно рассчитывал на верность хлопцев и решил: погибать — так погибать, попробую проскочить на автомобиле, тем более, что и машину было жалко оставлять. Тогда Гребенка выдвинул другой проект. Он предложил отправить в Белую Церковь грузовик, которому все равно нужно было туда ехать. На грузовик он обещал посадить небольшую команду, которая конвоировала бы меня до Белой Церкви. На этом и порешили.

Но тут выяснилось, что с моей машиной что-то неладное. Нужен был какой-то маленький ремонт, а пока там возились, уже стало близиться к закату. Выехали в сумерки. Еще в городе грузовик остановился. С полчаса возились над его починкой. Еще проехали версты две, грузовик опять испортился, а уже было темно. Я приказал своим шоферам не дожидаться грузовика, и мы поехали в темноте.

Подъехали вполне благополучно. Около самой Белой Церкви нагнали тов. Зеленского. Он первым делом спросил меня, не встречал ли я по дороге в лесу недалеко от Таращи команду гребенковцев — человек 15 с пулеметами. Они его, говорит, остановили и потребовали документы. На счастье, у него был мандат, подписанный военкомом полка тов. Ивановым, и его, как своего, отпустили. Между прочим, спраши-

вали, не видал ли он меня в Тараще и стоит ли там еще у штаба мой автомобиль.

Позже выяснилось, что действительно это была засада на меня. Но, прождавши до ночи, они решили, что я задержан в Тараще, и ушли лесными тропинками обратно.

В Белой Церкви я разыскал партийных товарищей, поручил им вести тщательное наблюдение за Таращей и условился о шифре сообщений. На утро я уже был в Киеве.

Против Гребенковской кавалерии мы были совершенно бессильны. Все силы были брошены уже частью на деникинский и частью на петлюровский фронты. В то время Деникин уже подходил к Полтаве, а с петлюровцами киевские курсанты вели отчаянные бои под Жмеринкой.

Гребенке ничего по существу не стоило взять столицу Советской Украины, к которой он мог подойти в три — четыре перехода.

Вечером тревожное заседание Совнаркома.

Вдруг звонок, разыскивают по телефону Затонского — кто-то вызывает из Таращи к прямому проводу на телеграф губвоенкома.

Пока я пришел, провод пропал. Телеграфисты ищут, щупают час — другой, наконец, появляется Тараща. Еле-еле слышно, кто-то все время вмешивается в разговор, как обычно в таких случаях. С трудом разбираю: «У аппарата Баляс». Спрашивает, выполнять ли прежний приказ или будут новые распоряжения.

Ничего непонятно, из обрывков фраз выходит, что там произошла какая-то кутерьма, кто-то кого-то застрелил, командует бригадой уже Баляс, который тут же просит не винить Гребенку. Тут уже совершенно не поймешь.

Приказываю нащупать Белую Церковь и вызвать секретаря тамошнего укома. Только к утру удается этого добиться.

Удостоверяюсь при помощи шифра, что это действительно Белая Церковь. Сообщают, что «взаправду в Тараще произошел новый переворот. Подробностей пока не знаем, но известно, что полк ночью снялся и вышел из города, но не по направлению к Белой Церкви. Куда — неизвестно».

Только на другой день из Белой Церкви уже были получены более подробные сведения. Оказалось, в полку был целый ряд деникинских офицеров во главе с неким Катхе, который при развертывании бригады получил командование вторым полком (первым командовал Баляс). Также оказался деникинцем тот бывший следователь, который угощал нас мороженым. Они вели работу в полку, не открывая своего лица, а возбуждая лишь ненависть к «коммуне». Когда

же Гребенка выступил открыто и объявил при мне поход на Киев, деникинцы решили на радостях, вероятно, что теперь можно действовать во всю, и на собрании командного состава, открывшемся через полчаса после моего отъезда, Катхе прямо предложил разгромить Советскую власть и идти к деникинцам.

Это наглое выступление белогвардейцев так возмутило крестьян, какими оставались по существу большинство командиров партизан, что Катхе тут же был застрелен, вместе с ним было зарублено еще двенадцать деникинцев, в том числе следователь и отец протоиерей, бывший на обеде.

Гребенка растерялся, расплакался и заявил, что он введен в заблуждение и что он готов исправить свою ошибку. Его только арестовали, но и то больше для того, чтобы доказать лояльность по отношению к нам, так как тут же постановили ходатайствовать, чтобы не только была прощена его вина, но чтобы ему вернули командование, ибо это необходимо «из стратегических соображений» (точная формулировка просьбы).

Раньше, чем мог придти ответ от штаба, Гребенка фактически вступил в командование бригадой. Мы с ним связались, когда он уже выдержал пару боев с Деникиным: гребенковцы честно дрались, сам Гребенка был ранен и лечился в армейском госпитале. Его по выздоровлении все же арестовали и отправили в Москву в ВЧК. Он был потом расстрелян (слишком он был неустойчив, и имелись сведения, что его снова окружила подозрительная публика). Баляс тоже погиб в 1920 году, погиб славной смертью: его часть возмутилась, но он, умудренный опытом Таращи, остался верен Советской власти и был убит на своем посту.

В КОЛЬЦЕ

Прошло немного времени после гребенковской истории. Положение становилось все грознее. В Киев приехал председатель Реввоенсовета РСФСР. На совещании Реввоенсовета с его участием выяснялась безнадежная картина: 13-я армия, разбитая, бежит, бросая оружие; 14-я сильно потрепана, почти небоеспособна. Деникинцы уже подходят к Харькову, и нет надежд на его спасение.

Ставится вопрос, не пора ли самим очистить Правобережье, чтобы не оказаться отрезанными и зажатыми между белыми и петлюровцами. Военное командование считает невозможным удержать Правобережье, особенно Одесский район. Мы с товарищем Араловым тоже присоединяемся к

этому мнению. Тов. Егоров (будущий командующий Южным фронтом, приехавший из Царицына, еще больной, с перевязанной после ранения рукой) молчал, не считая себя, по-видимому, достаточно компетентным или не желая противоречить председателю Реввоенсовета, категорически требовавшему удержать Одессу во что бы то ни стало*.

Пришлось выслушать несколько довольно ядовитых замечаний последнего насчет нашей нерешительности и неуверенности. Было решено, по его настоянию, что один из членов Реввоенсовета 12-й армии поедет немедленно в Одессу, чтобы там организовать сопротивление и на месте назначить командующего одесской группой. В том районе стояла 45-я дивизия

* Вопрос об удержании юга Украины рассматривался Политбюро ЦК РКП(б) и Главным командованием Красной Армии. 7 августа 1919 г. Главком С. С. Каменев, член РВСР С. И. Гусев и начальник штаба РВСР П. П. Лебедев в директиве командующим 12-й и 14-й армиями указывали: «...Оставление Одессы и всего юга Украины с планомерным отводом трех дивизий на линию Рейментаровка—Жмеринка не соответствует общей обстановке Южного фронта, т. к. такой отход совершенно развяжет руки противнику, оперирующему в районе южнее Кременчуга, и он не замедлит использовать освободившиеся части для противодействия нашему готовящемуся главному удару. Мысль о возможности сохранить части при большом отходе без давления противника и к тому же через районы восстаний следует вовсе откинуть... Южным дивизиям не грозит непосредственная опасность быть отрезанными, и они должны начать отход лишь тогда, когда эта опасность назреет в полной мере, и притом должны отходить лишь под натиском противника, оказывая сопротивление» («Из истории гражданской войны». Сборник документов и материалов в трех томах. Т. 2. М., Изд-во «Советская Россия», 1961, стр. 510). 9 августа 1919 г. В. И. Ленин от имени Политбюро ЦК партии телеграфировал председателю РВСР: «Политбюро Цека просит сообщить всем ответственным работникам директиву Цека: обороняться до последней возможности, отставив Одессу и Киев, их связь и связь их с нами до последней капли крови. Это вопрос о судьбе всей революции. Помните, что наша помощь недалека» (В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 35, стр. 352).

18 августа 1919 г. из 45, 47 и 58-й стрелковых дивизий была создана Южная группа войск 12-й армии (командующий группой — И. Э. Якир, члены РВС группы: Я. Б. Гамарник, Л. И. Картвелишвили, В. П. Затонский). Этой группе было приказано воспрепятствовать соединению деникинцев и петлюровцев в районе Умани и Елисаветграда, а если этого не удастся сделать, то вести борьбу в тылу противника, объединяя вокруг себя трудящиеся массы южных районов Украины. Боевые действия группы должны были способствовать успеху контрнаступления Южного фронта, начатого в середине августа 1919 г. Ставя Южной группе задачу нанесения удара во фланг и тыл противнику (на Винницу — Житомир и на Помошную — Знаменку — ст. Мироновку), Главком С. С. Каменев 25 августа 1919 г. указывал: «При успешных действиях частей этой группы ее задача должна быть расширена до очищения всего района средней Украины от петлюровских и деникинских банд и удержания его в своих руках до подхода подкреплений» («Из истории гражданской войны», т. 2, стр. 515). — *Ред.*

под командой Якира и были части 58 дивизии, вышедшие из Крыма с начдивом Федько.

В Киеве не могли решить, кому поручить командование объединенными силами. Для нас с Араловым было совершенно ясно, что предприятие это безнадежное и что ехать придется почти на верную гибель. Тов. Аралов выдвинул свою кандидатуру, но я настоял на том, что ехать нужно именно мне. Дело в том, что в Киеве у нас положение было очень скверное. Требовалась огромная работа по сколачиванию хоть каких-нибудь сил. Товарищ Аралов, бывший военный, имел гораздо больший опыт в этом деле, я же больше годился тогда на роль «главного уговаривающего» в сношениях со всевозможными партизанами и просто бандитами.

Экстренно был снаряжен бронепоезд, и я на следующий же день выехал через Фастов и Бобринскую на Одессу. По дороге уже выяснилось, что в бронепоезде, понятно, «соломенном», сколоченном из угольных площадок, действует лишь переднее орудие, в заднем замок не работает. Вообще бронепоезд никуда не годился и рассчитывать на него было нечего. Ехали, больше полагаясь на удачу.

До Помошной добрались благополучно, дальше двигаться нельзя было, так как Вознесенский мост был подорван, а исправить его предполагали не раньше чем через неделю.

Ехал я вместе с тов. Голубенко. Он был тогда военкомдивом 45-й, приезжал с докладом в Киев и старался пробраться обратно в дивизию. Тов. Голубенко нужно было из Помошной проехать на Голту — Бирзулу. В Помошной разыскали какой-то бронепоезд, еще хуже моего, и тов. Голубенко отправился с небольшой командой по указанной линии.

Пробраться ему не удалось, его команда была почти вся перебита, и он должен был вернуться в Помошную.

К тому времени меня вызвали в Елисаветград. Там было неладно: деникинцы уже заняли Знаменку и начальник Елисаветградского боевого участка тов. Шамо́в чувствовал себя не весело. Помню, приехали на станцию Елисаветград в сумерки. Я пошел в штаб, помещавшийся в вагоне.

Только что начальник участка начал мне делать доклад и едва успел сообщить, что в Елисаветграде все обстоит благополучно, как на вокзале началась перестрелка. Я бросился к своему бронепоезду, чтобы собрать свою команду. Творилось что-то невообразимое, в чем дело — нельзя было понять. Только кругом все трещало. Чтобы ориентироваться и иметь возможность действовать единственной пушкой бронепоезда, нужно было выехать за станцию на мост — в версте от вокзала. Но оказалось, что машиниста уже на паровозе нет — он немедленно улетучился. Стали искать машиниста, поймали

какого-то типа в одежде, измазанной маслом; под дулом наведенного на него револьвера он согласился вывести бронепоезд, хотя только что клялся и божился, что никакого понятия о паровозе не имеет.

Я послал одного из своих курсантов с машинистом на паровоз (паровоз был еще на парах), и поезд тронулся задним ходом. Я уже на ходу вскочил к себе в вагон, но в тот же момент поезд получил толчок, что-то сзади треснуло. Оказалось, уже успели перевести стрелку и наша задняя броневая площадка врезалась в эшелон командующего участка. Двигаться назад нельзя было.

Отцепили заднюю площадку и решили продвинуться вперед по направлению к Знаменке, но в это время оттуда влетел на станцию поезд. Это был, как оказалось, отправленный в сторону Знаменки на разведку броневик. Он врезался в бок нашего броневика. Теперь уже ни назад ни вперед. Все это под обстрелом. Стрельба со стороны завода Эльворти, стреляют также из окон вокзала. Мы с тов. Шамовым решаем собрать в кулак свои силы и удержаться на товарной станции до утра, с тем, чтобы на рассвете, если возможно, отбить город. По всем данным, это еще не деникинцы, а местные повстанцы.

Тут же на товарной станции стоит готовый к отправлению эшелон; туда грузили еще раньше елисаветградские ценности и грузилась местная власть. Распоряжаемся как можно скорее этот эшелон отправить, тем более что его пассажиры только мешают нам, создавая панику.

Мы не рассчитали лишь одного, что на отправляющийся эшелон сядет, вернее облепит его, бросая оружие, почти все наше воинство.

Когда эшелон ушел, оказалось, что с нами почти никого не осталось. Все же достали пулеметы (стащили даже пулеметы с задней площадки нашего бронепоезда, в то время, как паровоз и передняя площадка были уже захвачены бандитами) и стали отстреливаться со стороны товарной станции.

Неразбериха была изрядная.

В это время получены были известия, — верные или неверные, трудно было установить, — что деникинцы начали наступление из Знаменки и уже находятся в 15 верстах от Елисаветграда.

Нам оставаться там было нечего. Мы решили поджечь вагоны с фуражом и продовольствием, оставшиеся на товарной станции, чтобы они не попали белым, и начали отходить.

Шло нас немного, — не осталось и сотни человек. Шли ночью по шпалам. Кругом в окрестных селах слышны были

свистки, вероятно, условные сигналы. Иногда откуда-то издалека по нас стреляли. Кое-где попадались по дороге свежие трупы — очевидно, тех товарищей, которые решили до общего отступления бежать в одиночку и попадали под нож бандитов.

Утром на полях (как раз было время жатвы) можно было видеть крестьян: с оружием, с винтовками выходили косить хлеб. Смотрели на нас волком, но тронуть не решались, так как шли мы кучей.

Шли пешком до станции Плетеный Ташлык. Отправленный нами елисаветградский эшелон ушел оттуда в такой панике, что по дороге все разбежались. На эшелон позабирали и телеграфные аппараты со станции и только с Ново-Украинки, благодаря тому, что телеграфист был петлюровец, спрятавший аппарат, удалось связаться с Помошной и вызвать оттуда паровоз и пару вагонов. Когда приехали в Помошную, там уже было почти пусто. Бежавшие из Елисаветграда довели панику до Помошной. Мы еще захватили какой-то поезд, не успевший отойти. Оставалось прицепиться к нему. Состав был так длинен и тяжел, что на некоторых подъемах поезд останавливался и начинал ползти обратно.

Тем не менее благополучно добрались до Бобринской.

Только в Бобринской удалось задержать бежавшую толпу. Попытались организовать там сопротивление. Я там застал уполномоченного на это дело из Киева тов. Давтыяна. Собрали мы несколько военных, в том числе и тов. Голубенко, и стали сортировать публику и формировать части. В районе Цыбулевки между нами и деникинцами находился Коцур, бывший комполка, ушедший потом вместе с полком с фронта и засевший в Чигиринских лесах в районе Фундуклеевки — Цыбулевки. При приближении белых Коцур вел себя по отношению к нам лояльно и предложил установить связь, так сказать, единый фронт. И действительно, Коцур сдерживал деникинцев довольно удачно. Без этого буфера нам бы в Бобринской не долго продержаться. Впоследствии белые взяли Бобринскую, обойдя Коцура со стороны Черкасс.

Из Бобринской я связался с Киевом и потребовал, чтобы выслали подкрепление и новый бронепоезд, на котором можно было бы все-таки пробраться в Одессу, хотя положение Одессы стало уже совсем безнадежным.

Дня через три, примерно, пришло сразу два бронепоезда: один тяжелый с дальнобойными орудиями, другой — полегче, соломенный. На поездах — десант из курсантов человек в 50, какой-то уфимской роты человек 70; во главе отряда командир, некий Огинский, по партийности анархист, а по существу — горький пьяница.

Я сразу же послал в Киев соответствующий протест, но получил ответ, что лучшего не нашли и предлагают мне, если у меня есть лучшие, самому произвести смену. Лучших и в Бобринской не было, пришлось довериться.

Поехали. Откатили от Бобринской верст десять. Слышен взрыв сзади, остановились, послали разведку. Говорят — мост взорван. Значит, назад ходу нет.

Едем дальше. У станции Ардабаш машинист первого поезда заметил, что на рельсах кто-то копошится вдали. Дал остановку. Поезд с большим трудом остановился саженях в полутора от снятых рельсов. Удалось поймать злоумышленников. Оказались три железнодорожника, захваченные с «орудием» производства — гаечными ключами и т. д. Сознались, что посланы Махно, который находится на станции Ардабаш. Пока мы подъехали туда, Махно перекочевал на Помошную. Между нами и Помошной разбитый поезд — это ехало из Одессы «бессарабское правительство». Его спустили под откос, часть перебили и лишь малая часть спаслась, укрывшись в соседних местечках. Поезд загроздил пути. Установлено было, что легче провести обходный путь, чем стаскивать разбитые вагоны.

Три дня шла работа. Кругом в степи маячат махновские всадники; откуда-то из-за бугра время от времени бухает единственное махновское орудие.

Потом узнали, что это пушка действовала без ударника. Выстрелы производились каким-то гвоздем. Вероятно, оттого меткость была не блестящая, хотя шрапнели разрывались довольно близко от места работ и нашей артиллерии приходилось приводить махновскую пушчонку в молчание.

Наконец путь восстановлен. Чуть головной поезд соломенного броневика продвинулся вперед — заметил идущий навстречу паровоз. То махновцами из Помошной был пущен паровоз: рассчитывали произвести крушение.

В начале пытались сбить паровоз снарядами, потом стали громоздить на рельсы обломки шпал и камня в надежде, что паровоз соскочит. Одновременно дали задний ход броневика.

Свалить паровоз с рельсов не удалось. Он налетел на переднюю площадку нашего броневика, но, благодаря тому, что тот уже шел задним ходом, удар был смягчен, и дело кончилось тем, что площадка и махновский паровоз соскочили с рельсов. Бронепоезд же остался невредим.

Опять повозились часов шесть над опрокинувшимся паровозом, пока удалось совсем свалить его в сторону, и уже без пересадки двинулись на Помошную. Вместо эстафеты с извещением о прибытии послали туда пару шестидюймовок. Это произвело надлежащее впечатление. Один из снарядов, выпу-

щенный на расстоянии 18 верст, попал прямо в станцию. Махновцы очистили Помошную. Бой был несколько правее ее, там, между прочим, едва не погиб тов. Голубенко, у которого заскочило что-то в его «Люське» (пулемет Льюиса), и он каким-то чудом спасся, потеряв, правда, пулемет. На Помошную вскочили с шиком и с большим треском всех орудий, пулеметов и бомбометов, бывших в соломенном броневике. Больше всего пострадали стекла на вокзале. Махновцы отступили в село Песчаные Броды, родину жены Махно.

В Помошной ориентировались. Оказалось, что Вознесенский мост все еще непроходим, но что его чинит экспедиция, высланная из Одессы, и мы решили ждать в Помошной ее подхода. Пока что совершили экспедицию в Песчаные Броды, зашли в махновский штаб, находившийся в школе, пощупали учителя, оказалось — петлюровец, нашли кое-какие интересные документы. Как раз брат учителя был секретарем местного ревкома, так и звался — «Революционный комитет селения Песчаные Броды». В протоколах этого комитета нашли обращение к батьке Махно. Ревком Песчаных Бродов жаловался на крестьян соседнего села и искал у батьки справедливости. А обида была вот в чем: по инициативе ревкома Песчаных Бродов было организовано крушение советского эшелона, который вез кое-какое обмундирование и вооружение, но банда песчанобродовцев, производившая операцию, была застигнута превосходившими силами крестьян соседнего села, которые, смяв песчанобродовцев, перехватили у них законную добычу.

Резолюция батьки была: «Нехорошо честным партизанам ссориться, а делать нужно по справедливости; в оружии нуждаются и те и другие одинаково, поэтому нужно установить количество добычи и распределить пропорционально населению обоих сел».

На следующий день вдруг кто-то кроет по станции, рвутся шрапнели, благо на высоком разрыве. Как будто не махновцы: они вряд ли развили бы такой сильный огонь. Видно, что стреляют не меньше чем из двух орудий сразу. По всей видимости, это идет одесская экспедиция, решившая на всякий случай обстрелять станцию.

Посылаем верховых, устанавливаем связь. Так и есть, то подошла одесская экспедиция под начальством тов. Княгницкого. Мы его оставили в Помошной, а сами двинулись дальше на юг. Судьба этой экспедиции была печальная: махновцам удалось их захватить врасплох и разгромить совершенно. Мы об этом узнали позже.

Едем на юг: саботаж всюду невозможный. В Вознесенске, например, стояли пять часов. Наконец после третьего звонка выясняется, что смазчики еще не осмотрели поезд и по-

этому отправить его нельзя. Идем искать смазчиков. Находим троих из них тут же на вокзале, один сваливает вину на другого и говорит: «Не моя очередь». Пришлось одного из них расстрелять тут же, но, видно, не судьба ему была помереть: пуля, пробившая щеку, вышла в затылок, но прошла лишь под кожей. Остался жив.

В наши задачи не входило обязательно убить его. Оставили его. Говорят, потом выздоровел, рана легкой оказалась. Зато поезд шел дальше без сучка без задоринки. На всех станциях уже встречали нас начальники. Смазчики почти на ходу проверяли колеса и т. д. и отправляли дальше, чтобы не задерживались.

Так ехали до ст. Сербки.

Там получили телеграмму из Одессы: «Дальше бронепоезда пусть не идут, выезжайте сами на паровозе»; подписи: Якир и Ян*. Трудно объяснить, в чем дело. Говорят: «Сами выезжаем навстречу». Я решил тоже ехать с одним вагоном. Встретились на одной из бесчисленных «Одесса», не то Сортировочной, не то что-то в этом роде. Слышна была стрельба, на станции рвались снаряды. То, оказывается, белые как раз в этот день высаживали десант, и часть города была уже занята ими. Морские батареи в результате измены командного состава повернули орудия на город вместо того, чтобы обстрелять десант. Спасти Одессу было невозможно. Станция была под обстрелом, и одесские товарищи именно поэтому и настаивали, чтобы мы броневиков сюда не везли.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЮЖНОЙ ГРУППЫ

После высадки союзниками десанта в Одессе в августе 1919 г. стало ясно, что Юга нам не удержать. Все красные части, за исключением 45-й дивизии, были совершенно деморализованы. Непосредственной связи между Якиром (начдив-45) и Федько (начдив-58) не было. Я поехал к Якиру. Штаб 45-й дивизии был перенесен в Бирзулу. Там на совещании, в котором принимали участие Якир, Гарькавый, Ян, Голубенко, Гринштейн, адмирал Немитц и я, мне пришлось против очевидности отстаивать приказ председателя Реввоенсовета — удержать Юг во что бы то ни стало, но сделать ничего нельзя было, я и сам это понимал.

На 45-ю дивизию нажимали свежие подкрепления, полученные Петлюрой из Галиции. Кругом все кишело повстанцами петлюровского же толка. Части дивизии еле отбивали

* Я. Б. Гамарник. — *Ред.*

натиск превосходных сил неприятеля в районе станции Крыжополь. Натиск был тем более силен, что петлюровцам было известно о том, что мы везли с собой одесские ценности, эвакуированные из Одессы специальным уполномоченным наркомфина тов. Вассинасом. Не скажу точно, действительно ли с нами были какие-нибудь особые ценности, но слухов и разговоров об этом было много. У захваченных петлюровцев мы находили приказы о баснословных богатствах, вывезенных большевиками, о том, что необходимо их во что бы то ни стало отбить.

Не блестяще обстояли дела у нас и с патронами. Мой отряд из двух бронепоездов и груза патронов, с которым я пробивался в Одессу, остался на линии Одесса — Вознесенск. К тому времени Помошная была захвачена Махно. Мы сидели в Бирзуле у провода и всячески пытались связаться с кем бы то ни было, на восток от нас, пользуясь сетью земских проводов. Вот удалось уговорить телеграфиста какого-нибудь захолустного местечка установить связь со следующим местечком. Нацепили таким образом три — четыре пролета, наконец, натыкаемся на какого-нибудь телеграфиста петлюровского или махновского толка, который в ответ на предложение связать нас дальше отвечает руганью и начинает издеваться.

На третий или четвертый день таких бесплодных попыток наконец удалось получить ответ: «Только что были части 58-й дивизии, полчаса тому назад выступили». Я не помню точно, с какой станции и какой именно телеграфист это ответил: хотя его следовало бы отметить. Мы предложили ему немедленно послать кого-нибудь вдогонку частям, и он это выполнил. Разыскал какую-то сельскую власть, снарядил подводу, и часа через два мы вдруг получили первое известие от Федько. Узнали, что патроны, привезенные из Киева, он получил, хотя отряд Огинского разбит вдребезги под Вознесенском и бронепоезда пришлось взорвать. Мы условились, что будем отходить на линию Голта — Балта; Федько пообещал из Голты приехать к нам. На третий, кажется, день Федько действительно приехал; мы тогда все еще стояли в Бирзуле. От него мы узнали, что у него положение гораздо хуже, чем это можно было предполагать. Если 45-й дивизии грозило быть раздавленной превосходными галицийскими силами, то 58-я стояла накануне окончательного развала. Главный ее состав — тавричане, поддавшись агитации Махно, не хотели покидать свои хаты и уходить на север; отнюдь не собираясь покориться белым генералам, они рассчитывали вести с ними партизанскую борьбу, предпочитая это отступлению в далекие, неведомые им края. В Николаеве они чуть не подняли бунт, команды броневиков перешли к Махно; кав-

лерия, дошедшая с Федько до Помошной, повернула к Махно. В дивизии оставалось лишь 6 пеших полков, и то совершенно ненадежных.

Я решил выехать к этим частям вместе с Федько. Выехали ночью, наутро были в Голте. Туда были вызваны все комполки и комбриги. Мы устроили так называемое совещание командного состава.

Спрашиваем о надежности полков.

Один за другим выступают командиры и на ломаном русско-украинском диалекте заявляют: «Мой полк буде драться с белыми и с кем угодно». — «А с Махно?» — «Ни, с Махно не буде, сами думают, как бы к Махно уйти». Наконец, пятый по счету комполка сразу заявляет по-украински: «Мий полк буде битися з Махном»... Интересно, в чем дело, неужели это исключительно дисциплинированная часть. Следует откровенный ответ: «Та ни, мои хлопцы уси з Верблюжки, так вони на Махно злостяться». Чтобы понять смысл этой великолепной реплики, нужно знать, что Верблюжка — огромное село Александрийского уезда, родина и основная база Григорьева. Когда Григорьев выступил против нас, Махно его не поддержал, видя в нем, очевидно, конкурента, и больше того, постарался ликвидировать его, просто говоря, застрелил. Так вот этот полк, состоящий из верблюжцев и по настроению григорьевский, не мог забыть Махно его предательства.

Делать было нечего; оставалось использовать этот момент и выставить против махновцев симпатизировавший Григорьеву полк.

Махно был вполне уверен, что ему удастся нас ликвидировать. Его прельщали не столько живые силы, остатки 58-й дивизии, сколько вооружение и главным образом артиллерия. Мы каждый день получали от Махно телеграммы и даже телефонограммы. Однажды мне лично пришлось объясняться с ним по телефону. Он обещал «жидов и комиссаров» перерезать, а остальных готов был принять в формируемую им армию для защиты завоеваний революции от белых; вообще, говорил очень в высоком «штиле», странно совмещая революционно-анархистские термины с жаргоном «Союза русского народа».

Откровенно говоря, мы далеко не были убеждены в том, что Махно не удадутся его замыслы: не было уверенности, что нас свои же не перережут или не поведут к Махно. Наши красноармейцы все время переходили к нему в одиночку и группами. Кавалерия, недавно наша, а теперь уже махновская, маячила на горизонте, подбивая ребят идти на вольную жизнь к батьке. Но нужно сказать, что григорьевцы не выдали и действительно оказали махновцам вооруженное сопро-

тивление, когда мы поставили их на правый фланг нашего расположения. Благодаря им нам удалось оторваться от Махно.

Я забыл упомянуть, что еще в Бирзуле мы потеряли всякую связь с внешним миром. Помню, в конце августа мы получили радио из Киева за подписью предсовнаркома. Почему-то известия о военных успехах и блестящих победах в один и тот же день под Броварами и под Бояркой (Бровары в 20 верстах от Киева на восток, Боярка в 25 верстах на запад) были подписаны не командармом Семеновым, а председателем Совнаркома. Радио было составлено в очень бодрых, почти бравурных тонах, но мы, получив его, решили, что, очевидно, оно будет последним. Так и случилось: на следующий день Киев был сдан.

Наконец, мы получили от комгруппы тов. Якира приказ о выступлении на север. Ребята шли крайне неохотно. Наши ряды заметно таяли в течение первых трех — четырех дней, но большинство все же шло, подчиняясь не столько дисциплине, сколько чувству товарищества. Только через неделю мы вздохнули более или менее свободно. Те, кто не отстал, не ушел к Махно в первые дни, стали втягиваться в поход, уже почувствовала цель впереди. Стало бодрее и легче идти. Махновцы отстали.

Интересную картину представляли мы тогда. Наш обоз растягивался верст на 20—25 в глубину. В нем находились и громадные вола из имени Фальцфейна «Аскания Нова», верблюды и английские мулы и бесчисленное количество детей и баб на возах.

На волах тащили и бронемашины, чтобы не тратить бензина и не портить моторов. Наши ребята в самых разнообразных одеяниях. Первые дни наши колонны были больше похожи на какой-нибудь колоссальный цыганский табор, чем на армию.

Но вот буквально на наших глазах картина стала меняться. Изменилось отношение к командному и даже комиссарскому составу, появилась спайка.

Вот маленькая иллюстрация. Я бродил ночью на остановке между возами. Кругом горят костры, — варят ужин. У одного костра греется человек 10—12, слышу разговор, спокойный, уверенный, не в порядке дискуссии; какой-то матрос заявляет: «Я тебе скажу — без дисциплины нельзя, без нее пропадем. Куда нам податься? Вот ежели мне скажут: это будет начальник, так я скажу — слушайся его; оно, понятно, лучше, если это будет голова, а не дышло, но все равно без начальника и без дисциплины пропадем!..» И это не было индивидуальное мнение данного «братишки» (все поголовно

продолжали еще звать себя не товарищами, а по-махновски, братишками), оно выражало общее настроение. Как-то все подтянулись, и без труда, без всякого нажима, удалось ввести эту массу в рамки почти настоящей военной дисциплины. Я говорю «почти», так как все же она была несколько своеобразной.

Через две недели наша дивизия была неузнаваема: никаких разговоров о ненадежности уже не могло быть. Все чувствовали себя поразительно бодро. Теперь уже никакие враги не были страшны. Мы были уверены в том, что проберемся и выйдем к своим. В это время и 45-я дивизия окончательно собралась в кулак. В нескольких боях она отбила у галичан охоту покушаться на одесские драгоценности.

С нами была походная станция. Мы ее раскладывали аккуратно каждый вечер и всю ночь жадно ловили электрические волны, но со своими не удавалось связаться. А тут стали получать сигналы как будто от 44-й дивизии, как будто по нашему адресу. Нужно было удостовериться, что это не провокация белых или петлюровцев.

Начались переговоры по радио. Якир спросил: «Кто говорит?» получает ответ: «Дубовой». Тогда, чтобы убедиться, что это не подделка, посылаем в пространство вопрос: «Как имя жены деда?» Ответ получаем быстрый и правильный...

Дедом в Царицыне, где были и Якир и Дубовой, звали Ворошилова, и, кроме Дубового, вряд ли кто мог сразу догадаться, о каком деду спрашивают и как у дедовой жены имя.

Дубовой сообщил нам, что группа его движется на Житомир, и предлагал нам держать путь туда же.

17 сентября части 45-й дивизии завязали бой с петлюровским гарнизоном Житомира и ворвались в город с юга в то время, когда с севера входили части 44-й дивизии; 58-я дивизия в тот же день заняла Радомысль.

Таким образом, мы не только вышли из мешка, но привели с собой две крепкие спаянные боевые дивизии, около 12 тыс. штыков, готовых на что угодно.

Первое, что нас поразило, это довольно унылое настроение в штабе армии и выше; Деникин в это время подходил к Орлу, и положение, как казалось, было довольно скверным. Когда я предложил штабу 12-й армии двинуть нашу Южную группу на Киев, укрепиться там и пуститься дальше в глубь Полтавщины, к этому предложению отнеслись, как к безумной, невыполнимой утопии. Только после долгих переговоров, после личной поездки в Новозыбков в штаб 12-й армии, переговоров с Западным фронтом удалось получить разрешение ударить на Киев, и то не всеми силами.

В конце концов и это было сорвано: в последний момент, когда мы уже вышли на Ирпень (в 20 верстах от Киева), получили приказ о снятии 45-й дивизии на Питерский фронт. Так не был тогда использован сильный кулак, какой представляла собой наша Южная группа; а ведь части рвались в бой и готовы были даже пройти по деникинским тылам. Из большого удара по деникинскому флангу и тылу в конце концов получился полупартизанский налет на Киев силой около трех полков (и двух тысяч не было в общем). Но даже и с этими ничтожными силами удалось захватить Киев и удержать его в течение двух дней.

Этот налет произвел огромный политический эффект и нанес изрядный, главным образом, моральный удар деникинщине. Мы только позже узнали, что одновременно с захватом нами Киева партизаны заняли и сравнительно долго удерживали Полтаву. Махно в это время громил Александровск; Екатеринослав, по донесениям, захваченным у Киевского губернатора, был отрезан повстанцами от внешнего мира.

У белых все рассыпалось, и удар всем кулаком Южной группы, а не ничтожной частью ее безусловно значительно ускорил бы разгром противника.

Мы, непосредственные участники, не знали тогда всех этих фактов, но чувствовали, пройдя по части деникинского тыла, что враг уже не страшен, чувствовали свою силу. Это было всеобщим настроением сверху донизу. Наши «братишки», вчерашние махновцы, чуть не плакали, получив приказ остановиться под Киевом. Помню, эта нерешительность штаба армии и фронта сильно омрачила у прорвавшейся с Черноморья Южной группы радость долгожданного соединения со своими.

*«Армия и революция». Харьков, Военно-редакционный совет Украинского военного округа, 1923, № 1—2, стр. 9—26.
Печаталось также в сб. «Октябрьская революция. Первое пятилетие», Харьков, ГИЗ Украины, 1922, стр. 517—535.*